

квებек

под оползнем ветра, под дождиком рваным
отрадно смотреть на взопревший брезент
павильона.

мостики разметало, и катер картавит, припаян
к вороньему мясу реки, ударяющей в бубен.

и то, что осталось от кровельных плясок
июльского ливня, хватает, конечно, на ужин
с вином из кленовой бутылки, осиновой лаской
в церковной ограде, о Боже, как дождь этот
нежен

и сладостен ветер в слепой колокольне,
начинка его из волторн и кларнетов тягучих,
где раньше саднило, там больше ни капли
не больно,
где жгло по живому, там лучше становится,
лучше.

***

прямызна поступка — электричка:
сел, уехал, в прошлом не жилец.
я сейчас тщедушнее, чем спичка,
властелин распаянных колец.

электричка, пьяная сестричка,
увези в паленое лито,
где польнью пахнет переключка
мертвецов, убитых ни за что.

где-нибудь на станции кандалной
выпусти, железная змея,
в сломанную жизнь, на берег дальний,
там хвостом виляет сырдарья,

и, как пелось в песне заповедной,
где про кобылицу и ковыль,
по степи несется всадник медный
и глотает лагерную пыль.

■□■

© Текст: Григорий Стариковский

Александр Стесин

Памяти Роберта Крили

Дождь пройдет, не истопчет травы,
не испортит асфальтовой кожи.
Календарный листок оторви,
за ночь вырастет точно такой же.

Город Буффало. Некий мотель
малозвездочный, но с колоритом.
То не собственной смерти модель,
даже если нарочно умри там.

То для собственной жизни листки;
счет под дверью, прислужгой просунут;
чуткий сон той, с которой близки,
за бугром неразобранных сумок.

Пусть протянется связь, не видна;
быстрый дождь простучит, как наборщик.
Даже если он как из ведра,

а итог — вполстраницы, не больше.
Или если, как речь, и першит
тишина, катаральное нечто,
будто голос к гортани пришит.
А строка оттого бесконечна,

что каретку менять не с руки,
разговор продолжая заглазный.
Смерть, как имя в начале строки —
нарицательное, но с заглавной.

***

Средь невымытых вилок и тарелок
циферблат находишь наугад.
Шесть часов. Вечерний циркуль стрелок,
тикая, садится на шпагат.

Время сникнуть, время согнуть вовсе,
свой обед, не разогревши, съесть
время есть, и в гусеничном ворсе
пледа мерзнуть — тоже время есть.

Но не время у лихого беса
философской внятности просить,
потому что жизнь — не только бегство,
потому что стоит погасить
искру, как опять по коридорам
дед-уборщик примется мести
пепел сигарет твоих, в котором
вряд ли Феникс вздумает взрасти.

Целлофановый куль, как упавшее облако,
юго-западный ветер поднимет с земли.
Изучая приметы дрожащего облика,
неприглядным Нарциссом над лужей замри.

Вот летит грузовик, след печатая вафельный;
паутиной осенней сквозит естество.
И не прав метафизик, но нет основательных
у природы причин опровергнуть его.

Ибо жил пешеход, что-то слышал и видел он,
пенопластовый крейсер по лужам пускал

в кругосветный круиз. Тонкой ретушью выделен,
на визитках блестел его бодрый оскал.

И куда он пойдет, где толкнет свою исповедь,
бытовую полемику с пеной у рта?
Так уже самого себя хочется выставить
властным жестом за дверь. Только дверь заперта.

□ □ □

Я впишусь в эту осень, к стене прислонившись
спиной.
Это время — река, где непарных ботинок галеры
по теченью плывут. И слышны из ближайшей
пивной
фортепьянные опусы в темпе домашней аллегры.

Я впишусь в этот рыжий кирпич и с изнанки моста
меловые граффити, чумных басквигатов творенья,
и в общагу, где будка консьержки уж год, как пуста,
но жильцы до сих пор предъясляют удостоверенья.

Здесь на койке больничной кончается некто, и свет
упрощается в нем, перевернутым кажется днищем.
И работают все службы быта. И в желтой листве
сокращенное солнце восходит над парковым ни-
щим.

Я в графе распишусь. С белой койки мертвец по-
глядит
в поднесенное зеркальце, и заведут хоровую
та консьержка пропавшая и этот нищий, к груди
прижимающий мокрого пса, точно грелку живую.

□ □ □

Когда причаливают лодку харонову
к крутому берегу Восточной реки,
и грузят ту или иную херовину,
бычки за уши заложив, моряки,
психоделичный дядя, спешившись с велика,
с другого берега им машет рукой
и смотрит, как выносят шляпки из эллинг.
И густо фабрики дымят за рекой.

Сентябрьским утром взгляд, от ветра слезящийся,
он устремит туда, где пристань и шлюз,
и напевает не лишенный изящества,
еще с Вудстока им запомненный блюз

о том, как много нужно этого самого
для просветленья в мозгах, а для души
одна любовь нужна и музыка, заново
в ушах звенящая и горсть анаши.

Так напевает он, и в образе Хендрикса
уже является Харон мужику.
В преддверье ада речка движется, пенится,
любовь и музыка стоят начеку.

□ □ □

Без песен, ибо музыка сильнее
поэзии и упраздняет слог,
я подпишусь под этой ахинеей,
без красных строчек сочиню пролог.

Задумал эпос нации отсталой,
но вместо «Калевалы» за окном
лишь талый снег прошелся, сумрак талый,
подчеркнутый дорожным полотном.
И физкультурник, что бежит под плеер
с такою верой в жизнь и правоту,
как будто лейкопластырем заклеил
навек ахиллесову пятау.

Забудь припев, смени наличье смысла
на распорядок слов, бег вдоль шоссе —
на тренажер, чтоб никуда не смылся
главный герой, холерик подшофе.
Ибо, куда ни двинь, одна дорога
бежит, покуда сам бежишь по ней
в обратном направленьи от порога,
от детских дней и от недетских дней.

□ □ □

Это так из яичницы желтый глаз
вытекает на сковороде.
Это просто конфорочный вспыхнул газ.
В умывальнике, в ржавой воде
две руки отразились и мыла запас.
Или велосипедный сверчок
умолкает в прихожей, и в тишь, как в паз,
попадает замочный щелчок.

Это кто-то выходит из темноты,
в коридорно-квартирном аду
жметя к стенке с эстампом гогеновским: «Ты
хочешь, чтоб я ушла — я уйду».

Это чувств пятерней в промежутке одном
шарит время, в дому, где нас нет,
гаснет свет. И чернеет к весне за окном
хрусткой яблочной мякотью снег,
будто скоро займет этот номер пустой
кто-то новый, с двери сняв печать,
и начнется с постскриптума рифмы простой
все, что поздно сначала начать.

□ □ □

Дед прошел до Берлина войну
у мартеновской топки в Сибири,
без оркестра вернулся в страну,
где победные марши трубили.
В новый век производственных льгот
вышел улицей Кто-то-там-града
и катал на плечах каждый год
мою маму во время парада.

Все, что было по справкам потом,
как и то, что действительно было,
лишь тире, через время понтон.
Не спасло, но убить не убило.

Лишь игрушечный полк прочесал
кабинет с нежилым интерьером,
где гнездилась кукушка в часах
и, разбужен соседским терьером,
по инерции вздрагивал дед,
опустивший газетные складки
и уснувший, как был, не раздет,
своим старческим сном без оглядки.

□ □ □

О том, что, когда будет поздно, пойму,
о склонностях черт-те к чему,
прогнозы, едва постижимы уму,
тирады в еврейском дому
припомню однажды, когда отлучусь
туда, где не видно ни зги;
и нет больше тех, что несли эту чушь
и все-таки не донесли.

Побитые жизнью и смертью плоды
с семейного древа, одни
по ведомству страхов, предчувствий беды,
другие — с подачи родни,
попадали в землю, чтоб в ней прорасти
участком в две-три сотых га,
и я здесь росток; мне не видно пути
в трех соснах под знаком «тайга».

Нет смысла потрепанный атлас листать
с цветком-осьминогом в углу.
Летальный исход не научит летать.
Пред собственным страхом в долгу,
из дома уходишь. Тропа до реки
петляет в предместье глухом.
И сосны на синих холмах далеки
настолько, что кажутся мхом.

□ □ □

Она говорит: «Тяжело, а ему тяжелей»,
говоря о муже. Они — в ожиданье врача
в онкологической клинике. «Пожалей
нас», причитает. И медсестра, ворча,
приносит ему подушку, питье, журнал.
Он — восьмидесятитрехлетний. Рак
почек. Худой, как жердь, но худей — жена.
Он и она — из выживших: тьма, барак
в Треблинке или Дахау.

С недоверьем глядят
на студента-медика, думают: свой не свой?
Да, говорю, еврей. И тогда галдят,
жалуясь на врача с медсестрой. Весной
будет ровно шестьдесят лет со дня
их женитьбы. Кивает на мужа: «Тогда он был
вроде тебя... — и оглядывает меня, —
...но постройней». Верный муж охраняет тыл.

Она говорит: «Мы постились на Йом Киппур
даже там... Берегли паёк... А в этом году
в первый раз в жизни не выдержали. Чересчур...»
Говорит: «Когда он уйдет, я тоже уйду».

Он — вечно мерзнувший; помнящий назубок:
«Образ Господа виден смертному со спины, —
засыпает, подушку подкладывая под бок, —
Next year in Jerusalem. Все будем спасены».

■ □ ■